

С. Л. Фокин

НИЦШЕ И БОДЛЕР: ГЕНЕАЛОГИЯ ДЕКАДАНСА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

В статье рассматривается прочтение Ф. Ницше посмертных фрагментов Ш. Бодлера, относящихся к замыслу автобиографического эссе «Мое обнаженное сердце». Устанавливается, что идеи французского поэта были важным источником размышлений Ницше над проблемой декаданса. Более того, в силу исключительно своеобразного понимания музыки Р. Вагнера Бодлер оказался для немецкого мыслителя, вступавшего в период нездоровья, своего рода экзистенциальным «двойником», смутным объектом идентификации воспаленного критического сознания. В последние месяцы сознательной жизни Ницше буквально «заболел» Бодлером, как в свое время «болел» Вагнером. Во власти этого наваждения ему случалось видеть во французском поэте самого себя, но гораздо чаще образ Бодлера сливался в его сознании с образом Вагнера. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: Ницше, Бодлер, Вагнер, декаданс, психология декаданса, французский язык в сознании Ницше, война языков в письме и мышлении.

NIETZSCHE AND BAUDELAIRE: GENEALOGY OF DECADENCE PROBLEMS IN TRANSLATION

S. L. Fokin

Saint Petersburg State University of Economy, 21, ul. Sadovaya, St. Petersburg, 191023, Russian Federation

The article considers how Nietzsche interpreted the posthumous works by Charles Baudelaire, belonging to the autobiographical essay "My Heart Laid Bare". It states that Nietzsche viewed ideas of the French poet as one of the most important sources of the key problems of decadence. Moreover, due to the exceptionally unique understanding of R. Wagner's music, Baudelaire was for German philosopher, who had entered the period of illness, a kind of existential "counterpart", an obscure object of identification of inflamed critical consciousness. In the last months of his conscious life, Nietzsche literally fell ill with Baudelaire, as he had previously been ill with Wagner. Obsessed by the idea, in the French poet he saw himself. However, the image of Baudelaire flashed his mind more often than that of Wagner. Refs 13.

Keywords: Nietzsche, Charles Baudelaire, R. Wagner, decadence, psychology of decadence, the French language in the mind of Nietzsche, war of languages in writing and thinking.

Следует полагать, что история декаданса в Европе приблизительно с середины 80-х годов XIX века начинает переплетаться в сознании Фридриха Ницше с историей европейского нигилизма, уходящей корнями, как известно, в проблему Сократа-критика моральных законов полиса. Один из ключевых моментов приходится на тот пассаж «Esse homo», где мыслитель, объясняя, «почему он так умен», сформулировал парадокс, растиражированный впоследствии в целом ряде самых разнообразных критических откликов, историко-литературных исследований и текстологических комментариев:

* Работа выполнена в рамках проекта 14-04-00065 «Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков», поддержанного РГНФ.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016 г.

«Кто был первым умным приверженцем Вагнера вообще? Шарль Бодлер, тот самый, кто первым понял Делакруа, первый типический *décadent*, в ком опознало себя целое поколение артистов, — он был, возможно, и последним» (eKGWB/EN-Klug-5 — *Ecce Homo*: § 5. Druckfertig 02/01/1889)¹.

При всем разнообразии методологических позиций, исходя из которых многочисленные критики толковали этот пассаж [Andler; Kopp; Le Rider; Pestalozzi; Pfothenhauer], мало кто обращал внимание именно на парадоксальность и глубокую проблематичность этого суждения, которое, несмотря ни на что, стало «лишним» подспорьем в создании легенды о Бодлере-декаденте, единодушно слагавшейся в разноязычных и разноречивых литературах и философии Франции и России, Германии и Италии в эпоху *fin de siècle*, или «гибели богов».

Проблематичность или по меньшей мере парадоксальность этого суждения определяется тремя историко-литературными обстоятельствами, которые до сих пор не принимались во внимание в должной мере и которые мы здесь лишь кратко, без детальной аргументации, обозначим.

Во-первых, если опираться на исключительно проницательные замечания Ф. Лаку-Лабарта, высказанные в эпохальной книге «Фигуры Вагнера» [Lacoue-Labarthe Ph., p. 25–90], следует полагать, что Бодлер мог скорее *прослыть* за «умного приверженца» Вагнера, чем действительно им был: здесь важно судить не только по программной статье «Рихард Вагнер и “Тангейзер” в Париже», опубликованной автором «Цветов Зла» в апреле 1861 г., но и по написанному 17 февраля 1860 г. личному письму Бодлера к Вагнеру. Действительно, в этом поразительном тексте французский поэт, расписавшись было — то ли из чрезмерной обходительности, то ли просто для вида — в бессилии поэзии перед лицом музыки, зашифровал настоящий план интеллектуальной атаки на немецкого музыканта с его притязанием на всеобъемлющее, или тотальное, произведение искусства [Baudelaire, p. 672–674; Бодлер, с. 143–147]. В конечном счете во всем корпусе текстов, так или иначе относящихся к этой сцене, которую Бодлер устроил немецкому музыканту, поэт, следуя своей теории соответствий, изошренно поверял музыку живописью и способностью критического суждения, исподволь утверждая превосходство поэзии над всеми прочими искусствами и, самое главное, рабскую зависимость музыки от литературы.

Во-вторых, нельзя не удивиться тому, что способность понять Делакруа явилась в мысли Ницше характерологической способностью декадента: хорошо известно, что мера взаимопонимания между Делакруа и Бодлером, мягко говоря, оставляла желать лучшего [Laforgue, p. 29–39]. Более того, рассматривая живопись Делакруа как образец романтического искусства, автор «Цветов Зла» был склонен видеть в художнике представителя так называемой «революционной школы» французского искусства, рожденной к жизни самим событием Революции и запечатленной в лучших творениях неоклассициста Давида. Если вернуться к плану интеллектуальных отношений Бодлера и Делакруа и, шире, поэзии и живописи, то здесь происходит нечто аналогичное тому столкновению, в котором автор «Цветов Зла» пытался победить величавую музыку Вагнера: поэт скорее вольно, чем невольно

¹ Тексты Ницше цитируются по электронной публикации Полного комментированного собрания сочинений и писем Колли/Монтинари: Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe (eKGWB) — sämtliche Werke gemäß der Kritischen Gesamtausgabe / hrsg. von Colli/Montinari; hg. von P. D'Iorio. Paris: Nietzsche Source, 2009.

подчинял живопись искусству поэтического истолкования, чем немало раздражал живописца-романтика, который был склонен усматривать в этюдах Бодлера своего рода насилие критика над собственным искусством.

В-третьих, вспомним, что, объявляя Бодлера «первым декадентом», Ницше поспешил уточнить, что тот оказался декадентом первым и последним, утверждая тем самым, с одной стороны, некую историчность, если не сказать сиюминутность или даже эфемерность общей конфигурации декаданса, тогда как с другой — какую-то исключительную привязанность всего декаданса к личности французского поэта. Но в суждении Ницше о Бодлере как первом и последнем декаденте интересно не только это: не менее примечательно, что само слово «декадент» Ницше пишет на французском языке, словно бы подчеркивая некую инородность декаданса в немецкой культуре.

Не имея возможности углубиться в крайне важную тему «французского языка» и «французской культуры» в мышлении и творчестве Ницше [Ander, p. 157–265], в этой статье нам хотелось бы тем не менее попытаться представить отношение немецкого мыслителя к Бодлеру и декадансу именно в свете проблемы иноязычия, которая представляется нам не только своего рода лингвистическим соответствием философской рефлексии Ницше о декадансе, но и внутренней проблемой собственно декаданса, как если бы разномыслие само по себе, а также необходимость перевода и проблема переводимости/непереводимости изначально предопределяли всякую рефлексию в отношении декаданса.

Прежде всего напомним, что парадоксальное суждение Ницше о Бодлере в «*Esse homo*» было обусловлено и подготовлено не менее проблематичной, но зато гораздо более развернутой оценкой творчества французского поэта, изложенной в известном письме Ницше к Генриху Козелицу от 26 февраля 1888 г. Прочитаем начало этого отзыва, где Ницше делится со своим другом радостным для него открытием письма Вагнера к Бодлеру, подтверждавшим его давнюю догадку о том, что автор «*Цветов Зла*» хорошо знал музыку Вагнера:

«Кто был самым естественным и искренним вагнерианцем, не имея при этом к Вагнеру никакого отношения? На это я уже давно ответил себе: это был тот самый странный на три четверти помешанный *Бодлер*, поэт “*Цветов зла*” [jener bizarre Dreiviertels-Narr *Baudelaire*, der Dichter der *Fleurs du Mal*]. Я и впрямь пожалел, что этот глубоко родственный Вагнеру ум не успел открыть его для себя. Я подчеркнул в книге его стихотворений некоторые места, в которых присутствует некий род *вагнеровской чувствительности*, нигде более в поэзии не обретавший своего воплощения (Бодлер бывает либертинский, мистический, «сатанистский», но прежде всего — вагнерианский). И что же я сегодня узнаю! Я листаю недавно вышедшее собрание *Œuvres posthumes* [Посмертные сочинения. — С. Ф.] этого чрезвычайно ценимого и даже любимого во Франции гения, и вот посреди бесценных психологических свидетельств декаданса («mon coeur mis à nu» [«Мое обнаженное сердце», автобиографическое эссе Бодлера. — С. Ф.] такого рода, какие Шопенгауэр и Байрон в их случае *сжигали*) мне бросается в глаза неизданное письмо Вагнера в связи со статьей Бодлера...» (eKGWB/BVN-1888,1000 — Brief an Heinrich Köselitz von: 26/02/1888) [Nietzsche].

Заметим, что, когда Ницше приписывает Бодлеру умопомешательство, до полного расстройства его собственного ума остаются считанные месяцы: раздел

«Почему я такой умный», в котором всплывает predeterminedная этим письмом оценка Бодлера как первого и последнего декадента, подготовлен к печати 2 января 1889 г. Момент финального помрачения сознания автора «Esse Homo» датируется по-разному, но ясно, что мыслитель уже вовлечен в бесповоротное состояние, при котором критика все больше уступает место клинике. На что в этом письме и соответствующем фрагменте «Esse Homo» прежде всего следует обратить внимание, несмотря на явную взвинченность критического суждения? Во-первых, нельзя не заметить склонности Ницше к почти полной идентификации Бодлера и Вагнера, за которой, разумеется, маячит болезненная самоидентификация философа со своим двойником-музыкантом. Во-вторых, крайне любопытна формула «психологические свидетельства декаданта», которую мыслитель применяет ко всем посмертным сочинениям французского поэта, и в первую очередь к опыту его скандальной автобиографии «Мое обнаженное сердце», сама идея которой, думается, вкрадывается в этот момент в его собственный замысел самоописания. Таким образом, мы можем вновь заметить эту особенность: проблема декаданта прочно увязывается Ницше с личностью Бодлера, в характеристике которого на первом плане оказывается в письме психическое нездоровье поэта. Упоминание болезни в более позднем книжном варианте суждения снимается, как если бы Ницше, обнажающий свое сердце в «Esse Homo», отводил от самого себя подозрения в умопомешательстве.

О том, что Ницше, все настойчивее сближая Бодлера и Вагнера, вольно или невольно отождествлял себя с французским поэтом, свидетельствуют многие автобиографические отрывки 1888 г. Например, в феврале этого поворотного года Ницше, читая посмертные фрагменты Бодлера, записывает:

«Я задавался вопросом, существовал ли когда-нибудь кто-либо, кто был бы достаточно современным, болезненным, многоликим и помешанным, чтобы заявить о своей готовности понять Вагнера? В лучшем случае, во Франции: Ш. Бодлер, н-р.» (eKGWB/NF-1888,15[6] — Nachgelassene Fragmente Frühjahr 1888) [Nietzsche].

Прочная связь фигуры Вагнера с проблематикой декаданта, которая, таким образом, оказывается глубоко личной и интимной проблемой самого Ницше, как нельзя более провокационно продемонстрирована в предисловии к «Казусу Вагнера», где мыслитель доходит до того, что прямо называет себя декадентом, правда, вновь на французском языке, определяя при этом декаданта как своего рода детскую болезнь роста, поражающую в определенный момент всякую волю к власти:

«Ладно! Я так же, как и Вагнер, сын этого времени, хочу сказать *decadent*: только я понял это, только я защищался от этого. Философ во мне защищался от этого. Во что я глубже всего погрузился, так это действительно в проблему *decadence*, — у меня были основания для этого. “Добро и зло” — только вариант этой проблемы... Для такой задачи мне была необходима самодисциплина: восстать *против* всего больного во мне, включая сюда Вагнера, включая сюда Шопенгауэра, включая сюда всю современную “человечность”. [...] Высшее, что я изведal в жизни, было *выздоровление*. Вагнер принадлежит лишь к числу моих болезней» (KGWB/WA-Vorwort — Der Fall Wagner: § Vorwort. Erste Veröff. 22/09/1888) [Nietzsche].

Вновь в ницшевском определении декаданта обращают на себя внимание французский язык, посредством которого он как будто улавливает некое чужеродное умонастроение и тип личности, равно как медицинская терминология, которая помимо позитивистского настроя времени, передает здесь и глубоко личный, ин-

тимный опыт мыслителя. В этом суждении также вновь бросается в глаза стремление к персонификации проблемы декаданса, равно как и привязка последнего ко времени, к своему веку. Строго говоря, в этой дефиниции декаданс предстает как своего рода клиническая и критическая темпоризация персонального существования, такое динамическое и драматическое проживание себя в своем веке, когда критическая способность субъективности активно, то есть, исходя из здравого суждения философа, испытывается в поистине клинических условиях. Ницше глубоко и безнадежно болен, тем не менее он нацеливается на исцеление: декаданс не может быть просто осужден, заклеен и отброшен. Декаданс может быть только пережит и изжит — в активном, индивидуальном и политически перспективном опыте, когда субъект, экспериментируя с различными фигурами самости, по своей воле и по здравому суждению, обрекает себя на несообразное своему времени существование: речь идет в конечном счете о существовании, так сказать, *заблаговременно посмертном*, о рискованной жизни в виде несообразного своему веку пережитка.

В свете этих замечаний можно попытаться объяснить, почему Ницше считал Бодлера первым и последним декадентом: персональный опыт декаданса предполагает предельно острое переживание конечности индивидуального существования; это даже не крушение идолов, не гибель богов, это — смерть индивидуальности в виде «последнего человека», проживаемая в стихии мифа «сверхчеловека». Но «сверхчеловек», как бы его ни определять, должен изъясняться на каком-то сверхъязыке, во всяком случае он не может довольствоваться языком слишком человеческим, тем более немецким, из которого Ницше, судя по всему, временами действительно хотелось бы «выскочить».

Отсюда нам остается сделать шаг в сторону проблемы иноязычия декаданса. Уже неоднократно отмечалось, что Ницше мыслит декаданс скорее на французском языке. Показательно в этом отношении, что, представляя «Казус Вагнера» Мальвиде фон Мейзенбуг в известном письме от 4 октября 1888 г., он настаивает:

«Это сочинение против Вагнера следовало бы также прочесть *по-французски*. Его даже легче перевести на французский, чем на немецкий. К тому же в нем есть множество точек интимной близости с *французским* вкусом, так что хвала Бизе в самом начале наверняка будет расслышана. — Конечно, следует быть тонким, более того, весьма рафинированным стилистом, чтобы передать тон сочинения: в конце концов, на сегодняшний день единственный рафинированный немецкий стилист — это я сам» (eKGWB/BVN-1888,1126 — Brief an Malwida von Meysenbug von: 04/10/1888) [Nietzsche].

Не имея возможности развить здесь мысль о том, что именно Бодлер был для Ницше одним из самых ярких выразителей истинно французского вкуса, обратим внимание на проблему языка, на котором пишется «Казус Вагнера»: если принять всерьез оговорку Ницше, то он пишет действительно на каком-то сверхъязыке, который требует перевода и на немецкий, и на французский. Более того, в этом опыте толкования стиля отчетливо выражено стремление Ницше к скрещению французского языка с немецким, он словно бы хочет привить древнему дереву классического немецкого языка тонкий росток французского вкуса. Иными словами, Ницше как будто измышляет своего рода чужестранный язык изнутри собственно немецкого, с одной стороны, насыщая родной язык элементами французской речи, француз-

ского вкуса, французского словаря, а с другой стороны — принуждая тяжеловесно витиеватый немецкий к афористичности, лапидарности, прозрачности и напряженной ясности, характерных для столь ценимых им французских моралистов в духе Шамфора или Стендаля.

Подводя предварительные итоги этому вынужденно краткому рассмотрению проблемы Ницше и декаданса в свете проблем разноязычия, французского языка вообще и языка Бодлера в частности, хотелось бы сформулировать несколько тезисных положений, в рамках которых теория декаданса Ницше могла бы быть проанализирована более обстоятельно. Для автора «*Esse homo*» декаданс имеет четыре пересекающихся и переплетающихся одна с другой формы.

Во-первых, это «большой декаданс», который, в общем, совпадает с историей европейского нигилизма: здесь первыми декадентами выступают Сократ (формула «Философия как декаданс») или апостол Павел (формула «религия как декаданс»). Во-вторых, это декаданс современный, декаданс века: ключевыми фигурами выступают Вагнер и Бодлер, равно как сам Ницше. В-третьих, в концепции Ницше исключительно важную роль играет «поэтика декаданса», или, по его собственным словам, «стиль декаданса»: здесь главный источник вновь складывается из поэтики и эстетики Бодлера, правда, в том виде, в каком представляют идеи Бодлера Т. Готье в предисловии к посмертному изданию «Цветов Зла» и Поль Бурже в ставшей вмиг интеллектуальным бестселлером 80-х годов XIX века книге этюдов «Опыты современной психологии». Действительно, именно к последней работе восходит знаменитый программный парадокс из «Казуса Вагнера»:

«Через что дает о себе знать всякий литературный *декаданс*? Через то, что жизнь не живет более в целом. Слово становится суверенным и выпрыгивает из фразы — фраза растет и затемняет смысл страницы, — фраза живет за счет целого, целое перестает быть таковым» (eKGWB/WA-Brief-7 — Der Fall Wagner: § 7. Erste Veröff. 22/09/1888) [Nietzsche].

Достаточно сравнить этот пассаж с соответствующим местом в книге Бурже, чтобы убедиться, что определение литературного декаданса, предложенное в «Казусе Вагнера», представляет собой почти дословный перевод одного фрагмента «Опытов современной психологии», начинающийся, правда, у французского критика с определения того, как сказывается декаданс, с одной стороны, в социальной жизни, тогда как с другой — в такой органической стихии, каковой является, с его точки зрения, языковое существование человека:

«Стиль декаданса являет собой такой стиль, где единство книги распадается, уступая место независимой странице, где страница распадается, уступая место независимой фразе, а фраза уступает место независимому слову» [Bourget, p. 20].

Крайне важно здесь то, что Ницше явно стремится быть верным французскому оригиналу, *переводя*, правда, заимствованный пассаж в гораздо более широкий культурный и философский контекст. Вместе с тем ни Ницше, ни Бурже не хотят замечать в Бодлере того, что всецело противоречит такому определению декаданса. Словом, не приходится сомневаться, что эта тяга к фрагментарности и афористичности, этот культ фразы характерны гораздо в большей степени для позднего Ницше, чем для Бодлера, для которого целое, композиция, культ числа, метра и формы — в противовес бесформенности жизни внешней и внутренней — остаются наисущественными ценностями, которым он что есть сил следует наперекор

смятению как внутри себя, так и вовне, где его буквально выводит из себя почти повсеместный упадок, захватывающий политику и литературу, мораль и религию. Как раз в противовес декадансу, становившемуся в середине 60-х годов во Франции литературной модой, в противовес современности вообще, которая к этому времени превращается в религию прогресса, Бодлер в последние годы все чаще и чаще вызывает к «французскому духу», который в его сознании соотносится с идеалом классицистического искусства.

Поэтика Бодлера определяется из этики, в которой поэт, переболев многими болями, все последние годы апеллирует без конца к здоровью, гигиене, заботе о себе, в том же самом смысле, в каком Ницше утверждал в своем болезненном творении страсть к исцелению.

Здесь мы переходим к четвертой составляющей теории декаданса Ницше, так же восходящей к фигуре Бодлера: речь идет о психологии декаданса, замечательное свидетельство которого он увидел, как мы знаем, в «Моем обнаженном сердце». Не ставя перед собой задачи прокомментировать все промахи, которые встречаются в суждениях Ницше о психологии Бодлера-декадента, в общем вполне объяснимые, если учесть степень знакомства немецкого философа с наследием французского поэта, следует еще раз подчеркнуть, что в последние месяцы сознательной жизни Ницше буквально «заболел» Бодлером, как в свое время «болел» Вагнером. Во власти этого наваждения ему случалось видеть во французском поэте самого себя, тем не менее гораздо чаще образ Бодлера сливался в его сознании с образом Вагнера. Ницше очень хотелось видеть в Бодлере декадента, он с успехом находил тому подтверждения у Готье или Бурже, не желая замечать, что тот самый декадент, которого он стремился изжить внутри себя, изводил также французского поэта, образуя не какой-то сложившийся цельный образ, а одну из фигур авторской субъективности автора «Цветов Зла». В действительности Ницше чуть-чуть не хватило здоровой проницательности, чтобы признать, что Бодлер-декадент — не более чем застывшая трагикомическая маска, которую надевал на себя время от времени французский поэт и которую красноречиво расписывали за него как ближайшие современники, так и более далекие толкователи.

Литература

- Бодлер Ш.* Избранные письма / пер. с фр.; под ред. и с прим. С. Л. Фокина. СПб.: Machina, 2011. 368 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 13: Черновики и наброски. 1887–1889 гг. М.: Культурная революция, 2006. 656 с.
- Andler Ch.* Nietzsche, sa vie et sa pensée. Vol. 1. Paris: Brossard, 1920. 385 p.
- Baudelaire Ch.* Correspondance. I. Texte établi, présenté et annoté par C. Pichois avec la collaboration de Jean Ziegler. Paris: Gallimard, 1973. 1126 p.
- Bourget P.* Essais de la psychologie contemporaine. Paris: Plon, 1920. 384 p.
- Kopp R.* Nietzsche, Baudelaire, Wagner. A propos d'une définition de la décadence // Travaux de littérature, publiés par l'ADIREL. Vol. I. Paris: Klincksieck, 1988. P. 203–216.
- Lacoue-Labarthe Ph.* Musica ficta (figures de Wagner). Paris: Christian Bourgois, 1991. 266 p.
- Laforgue P.* Ut pictura poesis. Baudelaire, la peinture et le romantisme. Paris: PUL, 2000. 216 p.
- Le Rider J.* Nietzsche et Baudelaire // Littérature. 1992. N 86. Littérature et philosophie. P. 85–101.
- Nietzsche F.* Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe (eKGWB) — sämtliche Werke gemäß der Kritischen Gesamtausgabe / hrsg. von Colli / Montinari; hg. von P. D'Iorio. Paris: Nietzsche Source, 2009. URL: <http://www.nietzschesource.org/eKGWB/BVN-1888,1000> (дата обращения: 28.09.2015).
- Pestalozzi K.* Nietzsches Baudelaire-Rezeption // Nietzsche-Studien. 1978. Vol. 7. S. 158–188.

Pfotenhauer H. Nietzsche als Leser Baudelaires // Friedrich Nietzsche. Perspektivität und Tiefe. Bayreuther Nietzsche-Kolloquium 1980 / ed. by H. Pfotenhauer. Frankfurt/Main, Berne: Peter Lang, 1982. P. 121–145.

Thomas H. Les Notes de Nietzsche sur Baudelaire // Nouvelle Revue Française. 1953. Oct.-déc. P. 1124–1127.

Для цитирования: Фокин С. Л. Ницше и Бодлер: генеалогия декаданса в свете проблемы перевода // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 61–68. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.206

References

Bodler Sh. *Izbrannye pis'ma* [Selected letters]. Transl. from French; notes by S. L. Fokina. St. Petersburg, Machina Publ., 2011. 368 p. (In Russian)

Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t.* [Complete collection of works: In 13 vols]. Vol. 13: Chernoviki i nabroski. 1887–1889 gg. [Drafts and sketches]. Moscow, Kulturnaya revolyuciya Publ., 2006. 656 p. (in Russian)

Andler Ch. *Nietzsche, sa vie et sa pensée*. Vol. 1. Paris, Brossard, 1920. 385 p.

Baudelaire C. *Correspondance*. Eds C. Pichois, J. Ziegler. Paris, Gallimard Publ., 1973, vol. 1. 1126 p.

Bourget, P. *Essais de la psychologie contemporaine*. Paris, Plon Publ., 1920. 384 p.

Kopp R. Nietzsche, Baudelaire, Wagner. A propos d'une définition de la décadence. *Travaux de littérature: publiés par l'ADIREL*. Paris, Klincksieck Publ., 1988, vol. I, pp. 203–216.

Lacoue-Labarthe, P. *Musica ficta (figures de Wagner)*. Paris, Christian Bourgois Publ., 1991. 266 p.

Laforge, P. *Ut pictura poesis. Baudelaire, la peinture et le romantisme*. Paris, PUL Publ., 2000. 216 p.

Le Rider J. Nietzsche et Baudelaire. *Litterature*, 1992, vol. 86: Littérature et philosophie, pp. 85–101.

Nietzsche, F. *Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe (eKGWB)*. Paris, Association Hyper-Nietzsche, 2009. Available at: <http://www.nietzschesource.org/documentation/de/eKGWB.html> (accessed 26.05.2016).

Pestalozzi K. Nietzsches Baudelaire-Rezeption. *Nietzsche-Studien*, 1978, vol. 7, pp. 158–188.

Pfotenhauer H. Nietzsche als Leser Baudelaires. *Friedrich Nietzsche. Perspektivität und Tiefe: Bayreuther Nietzsche-Kolloquium 1980* Bayreuth. Abstracts of Papers. Frankfurt/M.; Bern, Peter Lang Publ., 1982, pp. 121–145.

Thomas H. Les Notes de Nietzsche sur Baudelaire. *Nouvelle Revue Française*, 1953, no. 12, pp. 1124–1127.

For citation: Fokin S. L. Nietzsche and Baudelaire: Genealogy of Decadence Problems in Translation. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 61–68.

DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.206

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2015 г.,
рекомендована в печать 25 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Фокин Сергей Леонидович — доктор филологических наук, профессор; serge.fokine@yandex.ru

Fokin Sergey L. — Doctor of Philology, Professor; serge.fokine@yandex.ru